

Малькольм Тодд
Варвары. Древние германцы.
Быт, религия, культура

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607605

*Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура / Пер. с англ. Н.Ю. Чехонадской.:
Центрполиграф; Москва; 2005
ISBN 5-9524-1493-1*

Аннотация

Автор этой книги попытался реконструировать социальную структуру и каждодневную жизнь варваров на основе обобщающих выводов археологов, наблюдений искусствоведов и лингвистов. Рассматривается промежуток времени от II в. до н. э., когда цивилизованные народы впервые обратили внимание на варваров, до периода Великого Переселения народов IV–VI веков н. э.

Содержание

Введение	4
Глава 1	6
Появление германцев	6
Археология и германские народы	10
Германцы и кельты	12
Германцы и их восточные соседи	13
Германцы и Рим	15
Новые союзы и переселения	18
Глава 2	21
Социальная организация	21
Вожди	23
Жрецы	25
Род и семья	26
Рабство	28
Глава 3	29
Земля	29
Землевладение	31
Поселения	33
Терпы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Тодд Малькольм

Варвары. Древние германцы.

Быт, религия, культура

Посвящается Кейт и Ричарду

Введение

Историк, который пытается описать образ жизни древних германцев, обязан с самого начала четко определить, кого же он понимает под древними германцами. Мои древние германцы – это люди, которые обитали в Северо-Западной Европе за рубежами Римской империи и позднее преобразили западные провинции этой империи, расселившись там. В этой книге я старался избежать обилия дат, однако в целом мой рассказ охватывает промежуток времени от II в. до н. э., когда цивилизованные народы впервые по-настоящему обратили внимание на германцев, и до периода Великого переселения народов в IV, V и VI вв. н. э. С географической точки зрения мы имеем дело с весьма обширной территорией: область, где мы впервые встречаем германцев, – это Северо-германская равнина с большими долинами Эльбы и Везера, Ютландский полуостров, который занимает Дания, и южные Норвегия и Швеция. К VI столетию потомки этих народов проникли практически во все уголки Европы, а некоторые отважные смельчаки забрались и в более отдаленные пределы.

Сейчас за пределами Германии и Скандинавии мало кто знаком с культурой германцев до эпохи Великого переселения народов. Если кто-то и слышал о франках, аламаннах и готах, то эти названия кажутся нам такими же экзотическими, как какие-нибудь масаи или майя. Это печально, хотя совсем не удивительно. Германцы, так же как кельты и славяне, никогда не выпадали из поля зрения историков, чтобы потом оказаться вновь эффективным образом открытыми, как шумеры и хеттготовыеты. По крайней мере, с эпохи Возрождения германец был знакомой фигурой. Однако, как правило, внимание обращалось только на один аспект его жизни. Германец всегда появлялся на границах римского мира в качестве воина – противника Рима. Такая точка зрения на ранних германцев господствовала еще в XIX в., и понадобится немало времени, прежде чем она уйдет в прошлое. Даже современным германцам вплоть до начала XX столетия казалось, что их предки-варвары стояли в стороне от поступательного движения мировой истории. Викторианцы думали примерно то же самое о древних бриттах (которые теперь, в свою очередь, стали вымирающей расой). Как и древним бриттам, древним германцам пришлось ждать археологов XX в., которые обозначили их истинное место в истории человечества.

У каждой книги есть свой «уклон». У этой их даже два. Во-первых, она была написана с точки зрения человека, находящегося внутри Римской империи. Я думаю, что это неизбежно, потому что почти все письменные источники, рассказывающие о древних германцах, – греческие и римские. Во-вторых, я использовал в гораздо большей степени данные археологии, чем литературные данные. Сегодня археология признана жизненно важным источником информации не только о культуре германских народов, но также и об их древней истории. Однако в практике привлечения археологических данных, даже в том, что касается повседневной жизни, есть существенные ограничения. С первого взгляда может показаться, что археология дает очень много, но на самом деле существует и множество аспектов, которые археология никогда не сможет раскрыть... Археология бесписьменных народов много говорит нам об их поселениях, домах, домашней утвари, о том, чем они питались, как воевали,

об их погребениях и, в ограниченной степени, об их представлениях о сверхъестественном. На этих аспектах я в основном и сосредоточился.

Глава 1

Мир древних германцев

Появление германцев

Первые сообщения о варварских народах на далеком севере Европы стали доходить до Средиземноморья в конце VI и V вв. до н. э. Мы знаем, что у древнейших греческих авторов были кое-какие сведения о Северной Европе. Правда, Гекатей в VI в. и Геродот в V о германцах не упоминают, для этих писателей северные варвары делились на кельтов на северо-западе и скифов на северо-востоке. Отдельные упоминания о народах, которые много позже были признаны германскими, начинают встречаться с IV в. до н. э. В первой половине этого столетия Пифей, греческий купец из Массилии (современный Марсель), совершил прославившее его путешествие на северо-запад, в ходе которого он обогнул Британию. Пифей также узнал кое-что о прибрежных районах северной Германии, поскольку он упоминает тевтонов – германское племя, жившее в Дании, которое три столетия спустя обрушилось на Римскую империю и вызвало первое крупное столкновение между римскими легионами и германскими воинами. Очевидно, что многие более поздние писатели заимствовали сведения из рассказа Пифея, и возможно, что он записал многое о континентальной Германии. К сожалению, ничего из этих записей до нас не дошло.

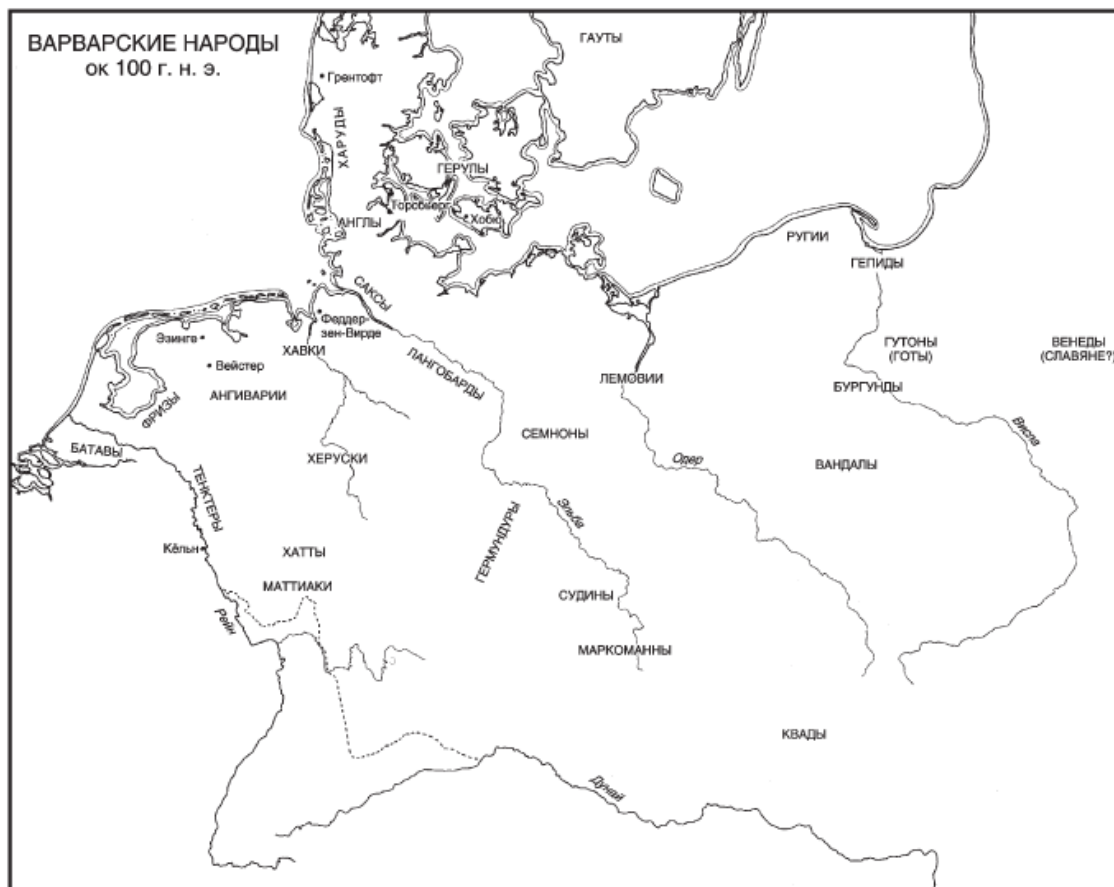
Великое вторжение народов, называвших себя кимврами и тевтонами, в Южную Европу в конце II в. до н. э. впервые заставило римлян осознать мощь северных народов и ту угрозу, которую они представляли для северных границ Рима. К несчастью, хотя мы и можем составить себе четкое представление о ходе этого короткого, но жестокого нашествия, у нас нет никаких свидетельств того времени о культуре и нравах агрессоров. Однако даже сам сюжет этой истории выглядит захватывающе. Кимвры и тевтоны начали массовое переселение со своей северной родины на юг. Это был не просто военный набег: варвары везли с собой в телегах жен и детей. Может быть, их заставило отправиться в путь обширное наступление на их земли моря, которое, наверное, закончилось страшным наводнением, таким, как наводнение октября 1634 г., радикально изменившее береговую линию Фрисландии (провинция Нидерландов. – *Ред.*) и ее островов.

Сначала дорога привела переселенцев в Богемию, а потом – на территорию современной Югославии. Вслед за тем они повернули на запад, и, поскольку теперь они направлялись к северным границам Италии, римская армия двинулась на перехват. Римляне потерпели сокрушительное поражение в Норее, близ современной Любляны, а германцы продолжали свой путь на запад. Обойдя стороной Италию, к 110 г. до н. э. они дошли до восточной Франции, надеясь поселиться близ римской границы, охватывавшей тогда нынешний Прованс. Снова начался бой, и опять римские легионеры были посрамлены. После дальнейшего путешествия на север по долине Роны кимвры и тевтоны разгромили еще одну римскую армию у Оранжа. Чтобы победить варваров, потребовался один из величайших полководцев Рима и масштабная реформа армии. Все эти блуждания варварской орды наряду с тем, что во вторжении участвовали целые семьи, видимо, означают, что кимвры и тевтоны искали новую землю для поселения. Действительно, по меньшей мере однажды они просили римлян предоставить им территорию, однако те ответили отказом. Таким образом, варвары отнюдь не пытались с ходу атаковать римские провинции.

Эта драматическая встреча севера и юга обострила интерес греко-римских авторов к северным варварам. Греческий писатель Посидоний, творивший в первой половине I в. до

н. э., создал ныне утраченное повествование о вторжении кимбров и тевтонов, которое было широко использовано в позднейших компиляциях. Он был первым, кто отделил германцев, как особый варварский народ, от кельтов и скифов. В последние годы жизни Посидония произошло второе масштабное столкновение Рима с германцами – речь идет о кампаниях Юлия Цезаря в восточной Франции против орды германцев под предводительством Ариовиста, намеревавшихся осесть в понравившейся местности. Цезарь не только сам описал эти кампании, он также дал очерк социальной организации и обычаев германцев. Хотя очерк в некоторой степени, возможно, и основан на рассказах таких людей, как Посидоний, у Цезаря сложился личный опыт общения с людьми, проживавшими на обоих берегах среднего Рейна. Однако следует помнить, что Цезарь отнюдь не был в первую очередь беспристрастным этнографом. Он стремился к высшей политической власти, а в качестве историков такие люди опасны. Естественно, в своих «Записках» Цезарь с самой лучшей стороны показал собственные достижения, изображая при этом германцев дикими и неукротимыми врагами римского государства. Подчеркивая дикость и могущество германских воинов, он ясно давал понять, какую службу сослужил Риму, остановив их вторжение в Галлию.

Цезарь был первым, хотя и не последним римским автором, который называл германцев полными дикарями – *feri*. Галлов можно было цивилизовать контактом с Римом, а германцы оставались *feri*. Цезарь особо подчеркивает различия между галлами и германцами. Он представляет Рейн как великую границу между Галлией и Германией, признавая при этом, впрочем, что в былые времена некоторые племена переправлялись через Рейн из Германии и селились в северной Галлии. То, на чем Цезарь так настаивал, – что Рейн является четкой границей между кельтскими и германскими народами, теперь считается пропагандистской выдумкой Цезаря. Народы, которые жили к востоку от среднего Рейна, никак нельзя было назвать ни чистокровными кельтами, ни чистокровными германцами, хотя их материальная культура была в большей степени кельтской, чем германской. К этому мы еще вернемся.

После Цезаря римская армия в течение почти сорока лет не пересекала Рейн (теперь ставший северной границей Рима в Западной Европе) с захватническими целями. Затем, примерно с 12 г. до н. э. по 9 г. н. э., император Август организовал серию кампаний, намереваясь провести границу к северо-востоку от долины Рейна, возможно по Эльбе. Это великое сражение выиграли варвары. Римские армии вынуждены были отступить на западный берег Рейна, и большое наступление римской державы за Рейн и Дунай было прекращено. После возобновления контакта с обитателями областей к востоку от Рейна римляне начали приобретать новые сведения о германцах. В результате торговых отношений варвары севера стали гораздо ближе к Риму, и писатели I в. н. э., особенно Плиний Старший, постепенно знакомили с ними римскую публику. Почти в конце столетия, в 98 г. н. э., появилась одна из первых работ историка Тацита – короткий трактат о германской земле и ее обитателях. «Германия», как обычно называют эту работу, была написана на злобу дня, но в то же время это был самый детальный рассказ о германских учреждениях и обычаях, и это единственная подобная монография, посвященная варварскому народу, которая дошла от античности до наших дней. Ученые эпохи Ренессанса называли «Германию» «золотой книгой», и она таковой и является. Тацит не был лично знаком с народами, которые он описывал, однако наблюдения римских офицеров и воинов дали ему информацию, которая не зависела от Посидония и Цезаря, и при этом, разумеется, не была устаревшей. Это наш основной источник по ранним германцам.

После яркого света, который пролила на Германию «Германия» Тацита, наступили настоящие «темные века». Вплоть до IV в. дошедшие до нас литературные труды практически не говорят о германцах ничего достойного внимания. Поскольку в отмеченный период происходили широкомасштабные переселения и перегруппировки народов, для нас это невосполнимая утрата. Во II в. римляне установили искусственную границу, чтобы свя-

затъ долину среднего Рейна с Дунаем близ Регенсбурга. Эта граница, которую обычно называют лимесом Верхней Германии и Реции по римским провинциям Верхняя Германия и Реция, которые она опоясывала, простояла только до 260 г. Потом она рухнула под давлением варваров: это была первая римская граница в Западной Европе, которая не выдержала их напора.

Археология и германские народы

Археология является богатым и постоянно растущим хранилищем информации о ранних германцах. Для многих регионов варварской Европы это еще и единственный источник. Сто лет назад мы могли бы сказать, что весь вклад археологии в изучение варваров ограничивается лишь впечатляющими находками из богатых погребений и вотивных¹ приношений в торфяных болотах. Теперь в этой области появился целый набор техник полевых и лабораторных исследований, которые можно применять в изучении большинства аспектов деятельности древних людей.

Во-первых, что же выявилось в свете, который археология бросает на проблему происхождения германцев? Эта тематика имеет собственную, достаточно сомнительную историю, особенно в Третьем рейхе. Однако теперь возможно изучать проблему в более спокойной обстановке.

Более или менее стабильная сельскохозяйственная экономика появилась на юге Скандинавии и в северной Германии примерно в начале 3-го тысячелетия до н. э. Культуры неолита заменили мезолитических охотников и собирателей. Что именно вызвало это радикальное изменение в способе хозяйства – вопрос спорный. Возможно, сельское хозяйство принесли на север новые поселенцы с юга и юго-востока. Далее, в позднем неолите и в начале бронзового века, были и другие проникновения в те же самые области, в результате чего возникла особая культура бронзового века, основанная на многоотраслевом сельском хозяйстве. С тех пор и до самого римского периода нет данных о каких-либо существенных прерывах в культурной традиции. Типы поселений, формы погребений и стиль керамики продолжали существовать, практически не подвергаясь заметным влияниям извне. Создается впечатление, что население первоначальной Германии в основном оставалось на своих местах. Подобную же картину дает и анализ скелетов с кладбищ, относящихся к этому длительному периоду.

Все это согласуется с рассказом Тацита о происхождении германцев: «Что касается германцев, то я склонен считать их исконными жителями этой страны, лишь в самой ничтожной мере смешавшимися с прибывшими к ним другими народами и теми переселенцами, которым они оказали гостеприимство». И также: «Сам я присоединяюсь к мнению тех, кто полагает, что населяющие Германию племена, никогда не подвергавшиеся смешению через браки с какими-либо иноплеменниками, искони составляют особый, сохранивший изначальную чистоту и лишь на себя самого похожий народ». Видимо, после того, как в периоде неолита произошло слияние различных этнических элементов, так оно действительно и было.

Археологические данные о различных группах германцев являются еще более спорными. Археологи потратили массу времени и чернил, пытаясь определить то, что они называют «культурами», то есть комплексы похожих металлических и керамических изделий, форм поселений, типов домов и других общих культурных черт. Как правило, можно видеть, что носители таких культур заселяли определенные области, и в прошлом археологи зачастую поддавались искушению отождествить эти «культурные провинции» с определенными народами или племенами. Что касается германцев, то в начале XX в. это отождествление археологических культур с племенными группами, упомянутыми у римских писателей, было доведено поистине до крайних пределов крупным немецким ученым Густавом Коссинной и его учениками. Со взглядами Коссинны никто не соглашался безоговорочно, однако оказалось, что их очень трудно искоренить полностью. На самом деле доказать тождество культурной провинции и определенной группы населения в железном веке Северной Европы

¹ Вотивный (от лат. «вотум» – «обет») – принесенный в дар божеству по обету. (Здесь и далее примеч. пер.)

практически невозможно, и сейчас археологи предпочитают не касаться проблемы этнического аспекта археологических данных. Когда археолог выделяет культуры, он в первую очередь делает это для того, чтобы получить удобную схему классификации данных.

По археологии ранних германцев существует огромная литература, и было бы слишком смело пытаться обобщить эти данные в одной книге, и более того – в нескольких абзацах. Достаточно лишь упомянуть об основных областях расселения германцев. Археологи выделяют четыре основные группы поселений: североморская группа в южной Скандинавии и на северном побережье Европы; западная группа между Рейном и Зале и от Везера до Майна; приэльбская группа, занимающая бассейн Эльбы и простирающаяся к востоку до Одера, и, наконец, восточная группа между Одером и Вислой. Что представляли собой эти группы, сказать трудно, но они не были племенными союзами. Скорее всего, это были группы племен, которых объединял обмен предметами материальной культуры. Рискованно было бы пытаться выделить в этих группах племена, упомянутые Тацитом и другими авторами, однако следующая классификация не будет слишком далека от истины. В североморскую группу входили хавки, фризы и многие более мелкие племена, жившие к северу от Эльбы, к которым Птолемей причислял и саксов. Западная группа включала в себя многие племена, знакомые римской пограничной администрации: хаттов, херусков, бруктеров и тенктеров. Среди германцев на Эльбе были семноны, лангобарды (ломбарды), гермундуры и маркоманны – до того, как они переселились в Богемию. Представители восточной группы – бургунды, ругии, вандалы и готы – не слишком хорошо отражены в литературе.

Археология не только дает нам сведения о культурных и торговых взаимоотношениях между различными племенами Германии: она еще и оказывает нам неоценимую услугу, показывая материальное положение народа. Как мы увидим далее (когда будем говорить о поселениях), раскопки середины XX в. заложили твердую основу для критики утверждений древних писателей; возникли даже точки зрения, противоречащие этим утверждениям. Было получено огромное количество информации о различных типах поселений, типах домов и домашней утвари, технических достижениях, и прежде всего – об экономических условиях. Вспомогательные работы биологов позволили нам узнать больше о домашних животных древних германцев, а палеоботаники, изучая остатки растений и пыльцы, помогли составить представление об окружающей среде того времени. Таким образом, год от года наше представление об условиях жизни в древности становится все более четким и ясным.

Германцы и кельты

Как никто из древних авторов, именно археология ясно показывает нам существование тесных контактов между германскими народами и кельтами. Они проявлялись не столько в области торговли, сколько в широких культурных связях между Центральной и Северной Европой: в сходстве обычных, для повседневного использования, металлических изделий, брошей, булавок и бритв, а также керамики. Поэтому очевидно, что в течение нескольких столетий до и после Рождества Христова между кельтами и германцами нельзя было провести четкой границы. Античные авторы, такие, как Цезарь и Тацит, существенно затушевывали этот факт, настаивая на том, что Рейн якобы является культурной границей между кельтами на западе и германцами на востоке. То, что такое деление неверно, показывают не только археологические данные, но также и данные личных имен и географических названий. Люди, которые жили к востоку от Рейна и между долинами Майна на юге и Везера на севере, подвергались существенному влиянию кельтской культуры, хотя сами они кельтами не были. Но не были они – во время Цезаря и Тацита – и германцами. Их происхождение неясно; возможно, они представляли собой старые группы племен, которым удалось устоять перед движением на запад германской культуры в конце бронзового и начале железного века.

Кельтское влияние на германскую материальную культуру особенно очевидно в сфере вооружения. Щиты, мечи и наконечники копий на севере с I в. до н. э. зачастую происходят от кельтских типов. В этих регионах встречается и много оружия кельтского производства. Это влияние было результатом войны и торговли между кельтами и германцами. Кельтское влияние очевидно и в других областях, особенно в обработке металлов. Многие из наиболее замечательных образцов кельтского ремесла были обнаружены именно в Германии. Наиболее поразительные предметы были найдены в Дании: две богато украшенные колесницы из Деберга (Ютландия), серебряный котел из Гундеструпа (Химмерланд) и гигантский бронзовый котел из Бро (Ютландия). По любым стандартам это – великолепные изделия, и они представляют собой самое замечательное из того, что германцы заимствовали у кельтов.

Германцы и их восточные соседи

Германцы контактировали и со своими восточными соседями. Еще до Рождества Христова славяне начали двигаться на запад из восточной Польши, таким образом они вошли в контакт с готами и другими восточными германцами. О материальной культуре славян до того, как они осели на сегодняшних славянских территориях, известно немного. С юго-востока пришли степные кочевники-сарматы, которые начали расселяться по Причерноморью примерно с 200 г. до н. э. Область их расселения протянулась оттуда до Днепра и далее – в сегодняшние Румынию и Польшу. К III в. н. э. этот регион стал удивительным тиглем, где сплавились культуры различных народов: греков, даков, сарматов, славян и готов. К северо-востоку от германцев жили балты восточной Пруссии, Польши и западной России. Этот регион контактировал с Римской империей и германцами. Часто исследователи не обращают внимания на балтов как на отдельную группу. Хотя в какой-то степени на них и влияли восточные германцы, их культурное развитие не зависело от соседей. Обо всех этих восточных варварах античные писатели сообщают очень мало и касаются нашей темы только в этом пункте. Однако следует помнить о том, что восточные германцы соприкасались с кочевыми и полукочевыми народами степей и что они должны были почувствовать на себе первый удар от их миграций.

Именно оттуда пришло самое разрушительное нашествие. В 376 г. римские офицеры в гарнизонах на Дунае получили информацию о том, что среди готских племен на севере происходят из ряда вон выходящие по своему масштабу и охвату территорий беспорядки. Судя по всему, все племена причерноморского побережья пришли в волнение. Ходили слухи, что на них напал какой-то страшный народ с востока. Слухи о волнениях среди варваров были обычным делом, и римские гарнизоны сначала никак не отреагировали на новую волну тревоги. Однако вскоре на берега Дуная стали прибывать группы беженцев-германцев. Количество беженцев росло и росло, и, наконец, целые полчища готов собрались на границах империи.

Варвары, которые напали на готов, оказались гуннами. Еще чуть меньше века гуннам предстояло терроризировать почти всю Европу, однако даже за такое сравнительно короткое время они успели запомниться навеки своей дикой жестокостью. Гунны не были германцами, но, поскольку их история тесно связана с историей готов и других германцев, их нельзя насильно исключить из нашего рассказа – точно так же, как было нельзя и выгнать их с земель римлян и готов.

Гунны вошли в контакт с готами примерно в 370 г. н. э. До этого времени их родной были степи южной России, где они, в полной нищете и суровых условиях, вели кочевую жизнь. Как ни странно, мы практически не знаем о них ничего определенного до того момента, когда они напали на готов. Их происхождение неизвестно. Древнеримские авторы мало что могли сказать об этих кочевниках такого, что сейчас можно воспринимать серьезно. Среди готов ходила легенда, что гунны – отродье ведьм и злых духов (неудивительно, если вспомнить, что готам пришлось от них пережить). Возможно, гунны контактировали с народами Дальнего Востока. Китайские летописи часто упоминают народ под названием «сюнну», и некоторые ученые полагают, что это и были гунны. Гуннов, как и всех кочевников, очень трудно «выследить», используя обычные методы археологии. Кочевники практически не оставляют после себя поселений, а зачастую – и четко различимых погребений. Они могут использовать очень мало изделий из металла и керамики, и даже эти изделия зачастую приобретаются у других народов. Все, что мы о них знаем, идет от римских писателей, а археология мало чем здесь может помочь.

Гунны жили скотоводством; дополнительные продукты давала им охота и собирательство. Их экономика позволяла им выживать, но не более того. С раннего детства они привыкали к тому, что голод и жажда – это часть жизни. Возможно, какое-то количество продуктов они получали путем обмена с оседлыми сельскохозяйственными народами. Одежда, которую носили гунны, говорит об уровне их техники: это были льняные ткани и сшитые шкуры животных, эксплуатируемые до тех пор, пока не разваливались на кусочки.

Как и все степные кочевники, гунны были великолепными наездниками; римлянам казалось, что они живут в седле. «Они даже не могут твердо стоять ногами на земле, они живут и спят на лошадях», – утверждал Зосим. Поразительное кавалерийское искусство гуннов дополнялось умелым владением луком. Все вместе, эти данные обеспечивали им успех в борьбе с римскими и германскими армиями пехотинцев. Некоторые воины носили не только луки, но и мечи, а иные ловко пользовались сетью или лассо. Несмотря на крайнюю бедность и примитивную экономику, гунны представляли собой страшную военную угрозу для всех народов, с которыми они сталкивались на западе. Даже их внешний вид шел им в зачет. Римляне считали, что на гуннов и смотреть-то противно: непонятно, говорили они, люди это или звери.

У кочевников не было королей: во время войны ими правили вожди. Как они достигали такого высокого положения, мы не знаем, но, возможно, отвага на поле боя давала им власть. В мирное время воины и семейные люди не слишком различались между собой. Все мужчины принимали участие в бесконечной работе: следили за стадами и искали для них свежие пастбища.

Хотя у гуннов и не было королей, среди них появлялись могущественные полководцы. Самым знаменитым и удачливым полководцем был Атила, который вместе со своим братом Бледой пришел к власти в 433 г. К этому времени гунны стали господами германских племен, которые занимали область между Альпами и Балтийским морем и от Рейна до Каспийского моря. Их армии состояли не только из гуннов, но и из подчиненных народов, которых увлекла гуннская волна: аланов, гепидов, славян и готов. Из своей ставки, которая находилась на территории современной Венгрии, Атила, затмивший и, в конце концов, отстранивший от власти своего брата, угрожал Восточной Римской империи со столицей в Константинополе и Западной, центром которой была Италия. После 440 г. разразилась буря. Атила устроил настоящую бойню на римской границе на среднем Дунае, разрушая города и крепости, и опустошил север Греции. Более амбициозная схема завоеваний начала осуществляться в 451 г., когда гунны пересекли Рейн и двинулись к Орлеану. Близ Труа гунны потерпели первое крупное поражение от объединенных сил римлян и визиготов. Эта битва стала поворотным пунктом. Тем не менее, в следующем году Атила начал вторжение в северную Италию, захватил Аквилею и другие крепости. Однако он вынашивал еще более амбициозные планы: он хотел идти на Рим. Приход римских подкреплений с Востока, эпидемия среди самих гуннов и – бич большинства варварских армий – голод помешали ему это сделать. В 453 г., в разгар приготовлений к походу на Константинополь, Атила умер. После него великая империя, которую он создал, уже не смогла возродиться. Гунны и их подданные начали уходить из великой конфедерации. И что было еще хуже для гуннов, после 460 г. из степей вышли другие дикие орды кочевников. Банды гуннов продолжали угонять скот своих соседей и грабить их поселения, но теперь были только обломками необыкновенной империи.

Германцы и Рим

Отношения между германцами и Римом складывались отнюдь не в историю бесконечных конфликтов и разрушений. Германцы и римляне встречались не только на поле боя. Уже на самых ранних этапах строительства своей империи римляне поняли, что иметь в соседях союзные племена – гораздо более надежная гарантия безопасности провинций, чем обеспечивать военное присутствие на самих рубежах. На германской границе всегда ощущалась потребность в мощных военных гарнизонах, однако, как и на других территориях, римляне возлагали надежды также и на племена, которые вступали в союзнические взаимоотношения с Римом. Например, фризы на севере Нидерландов после первых столкновений с Римом в конечном счете утихомирились, и начался период долгого мирного сосуществования с правительством империи, принесший, помимо прочего, немалую материальную выгоду. Одно из ответвлений свевов – свевы-никреты – с одобрения римлян поселились на плодородной земле долины Неккара, таким образом надолго образовав эффективный барьер против менее послушных варваров на востоке.

В последующие столетия германцы играли еще более активную роль в защите границ, как воины регулярных подразделений римской армии. Группы варваров служили как федераты (*foederati*): они получали землю в обмен на обязанность нести военную службу в той области, где их селили. Римляне надеялись, что если варвары будут иметь свою долю от плодов этой земли, то это заставит их защищать ее от внешних нападений. Такие группы федератов часто оказывались эффективными, особенно когда они представляли собой отряд, сплотившийся вокруг энергичного вождя. При этом целые племена или народы под командованием своих племенных лидеров терпели неудачи в деле защиты границ. В регулярной армии варвары служили не только рядовыми солдатами. Напротив, из офицеров высшего ранга, из армейских командиров поздней империи многие были германского происхождения.

В период ранней империи многие германские вожди отслужили в римской армии до того, как добились могущества среди своего собственного народа. В некоторых случаях этим людям удалось осуществить значительные перемены в политической и социальной структуре отдельных народов. Как мы увидим в следующей главе, самым интересным из таких вот возвратившихся «эмигрантов» был властитель маркоманнов Маробод, и только лишь перечисление других показывает, сколь много германцы почерпнули на римской службе: Арминий, победитель злополучного, оказавшегося совсем не на своем месте полководца Квинтилия Вара, Ганнаск, который успешно грабил галльский берег в I в. н. э., Крупториг, который руководил восстанием фризов, и, наконец, Юлий Цивилис, который стал душой крупного восстания батавов в 69–70 гг. н. э.

В области торговли и коммерции германцы и римляне также были знакомы друг с другом достаточно хорошо. Уже ко времени вторжения Цезаря в Галлию римских торговцев влекла за Рейн перспектива коммерческой выгоды. Свевы – конфедерация племен, обитавших в долине Эльбы, – пускали к себе торговцев, но скорее для того, чтобы распродать излишки военной добычи, чем чтобы покупать предметы роскоши, привезенные с юга. Действительно, в эпоху Цезаря они недвусмысленно запретили ввоз вина на свою территорию, считая, что оно ослабит их энергию и выносливость. Однако не все германцы были столь суровы. Уже в I в. до н. э. в домах богатых варваров появились римские предметы роскоши, в том числе и вино. Тогда, как и позднее, изящные сосуды из серебра, а иногда и из золота пересекали границы и в конце концов оказывались в гробницах вождей.

Такая могила, раскопанная в Хобю на датском острове Лоланн, является наиболее ранним и выдающимся примером подобного погребения. В могиле был обнаружен скелет муж-

чины средних лет и свиные ножки – доля вождя в варварском мире, а также великолепный столовый сервиз из импортных металлических сосудов. Самые великолепные из них – это пара серебряных чаш, украшенных рельефом, изображающим сцены из греческих мифов, большой бронзовый поднос, на котором стояли эти чаши, и множество красивых бронзовых сосудов. В Северной Европе есть и другие, несколько более поздние находки высококачественных металлических изделий из греко-римского мира, однако ни одна из них не могла сравниться с находкой из Хобю.

В купеческих тюках границы пересекали и более скромные предметы, иногда в больших количествах: стеклянная посуда, керамика, изделия из кожи, монеты, броши и другие украшения. Иногда бытовые предметы оказывали влияние, которое намного превышало обычную сферу их применения, формируя стили варварского искусства, точно так же, как импортные греческие изделия из бронзы вдохновляли кельтских ремесленников в V в. до н. э.

Естественно, не все из найденных предметов попадали в руки германцам в результате международной торговли. Огромный клад серебряной посуды, обнаруженный у Хильдесхайме, скорее всего, является военной добычей, которую собирали в течение долгого времени до того, как во II в. н. э. клад был захоронен. Еще более очевидный пример военного трофея – бронзовое ведро из погребального кургана в Бьорске (шведская провинция Вастманланд). Ведро служило урной для кремированных останков местного вождя, однако его первоначальная функция ясна из латинской надписи: «Посвящено Аполлону Гранну Аммилием Константом, хранителем его храма». Судя по всему, у этого предмета была бурная жизненная история: ему пришлось поспешно покинуть какой-то римский храм.

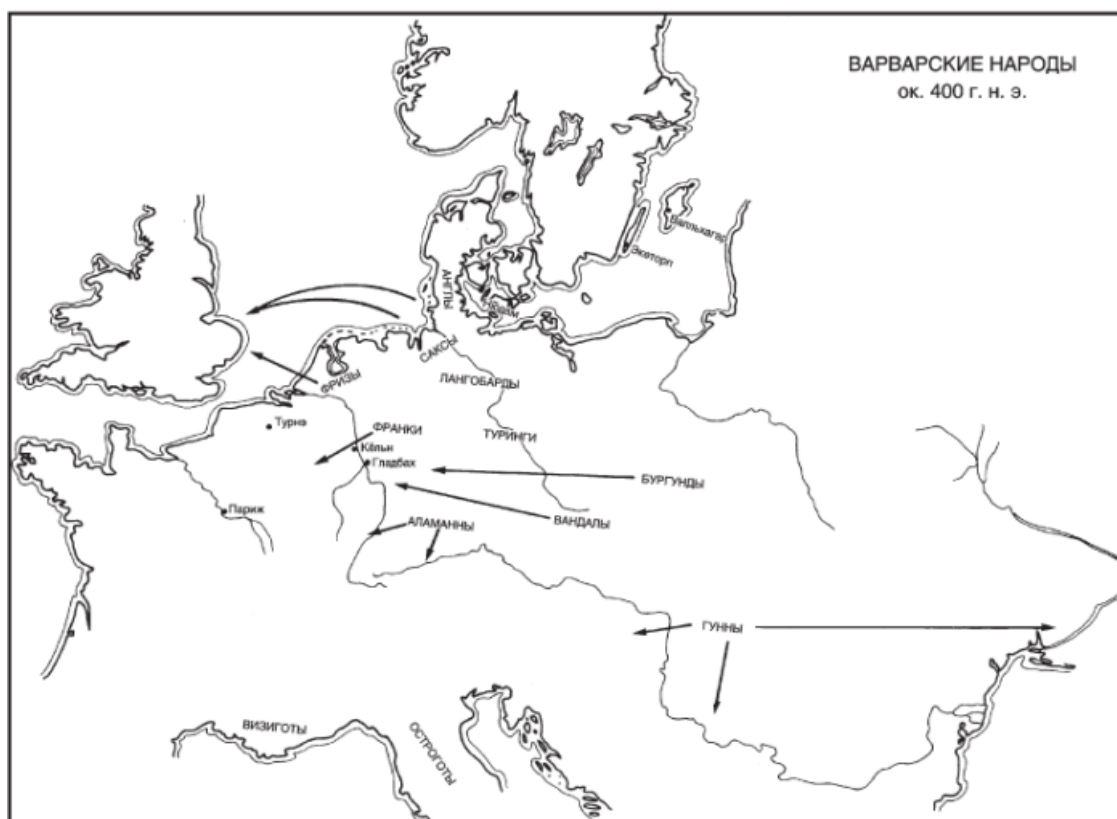
Помимо торговли и грабежа, был и еще один путь поддержания контактов между севером и югом: дипломатия. Вожди варваров, чью лояльность римляне считали ценным приобретением, получали серебряные или золотые сосуды в подарок или в виде подкупа. В некоторых случаях предпочитали более конкретную финансовую помощь: в форме монет. Видимо, подобные «дотации» и подарки, путешествовавшие в «дипломатическом багаже», были обычным делом во взаимоотношениях римлян и многих германских вождей, особенно тех, что обитали ближе к границам и чью доброжелательность нужно было поощрять более щедро, чем обычно. Однако мы только что видели, что у римской внешней политики были длинные руки, которые доходили и до Скандинавии. Эта практика продолжалась до самого крушения Римской империи на западе; следовательно, она, скорее всего, давала какие-то результаты. Клад IV в., состоящий из прекрасной серебряной посуды, был обнаружен в Кайзераугсте неподалеку от Базеля – возможно, память об этой торговле, как и многочисленные находки римских золотых монет на территориях, занятых готами в конце римского периода. Обмен шел и в обратном направлении. Кимвры, как рассказывает Страбон, подарили императору Августу в знак дружбы свой самый драгоценный котел.

Что Германия, в свою очередь, могла предложить римским купцам? Основными статьями германского экспорта в Римскую империю были рабы, меха и шкуры животных, а также янтарь с побережья Восточной Пруссии и Дании. Янтарь пользовался огромной популярностью как материал для украшений уже в доисторический период, и для приобретения этого камня купцы уже давно проложили торговый путь к янтарному берегу – из долины Дуная близ Вены, через Богемию и центральную Германскую равнину. В римский период товары продолжали путешествовать по этому «янтарному пути». Другие торговые дороги проходили по долинам, располагавшимся к востоку от Рейна, – долины рек Липпе, Рур и Майн, и далее вдоль Везера и Эльбы, которые текли на север. Использовались также морские пути вдоль берегов Нидерландов, северной Германии и Дании, и со временем германские моряки и купцы начали обретать в этих водах навигационное искусство.

Так что уже задолго до того, как варвары вошли в римские провинции в качестве завоевателей, у них был длительный опыт знакомства с материальным богатством римского мира. Можно представлять себе процесс переселения германцев как дикие, разрушительные набеги, но это значит слишком упрощать картину. Переселения не были результатом организованных схем завоевания, и не многие из них были более разрушительны, чем средний проход армии в Древнем мире. Как выразился один современный автор, эти вторжения были «золотой лихорадкой иммиграции из недоразвитых стран севера в богатые земли Средиземноморья». Длительные торговые и дипломатические контакты с Римом показали германцам, что ждет их на юге. Пришло время взять это в свои руки.

Новые союзы и переселения

В III в. н. э. среди германских народов происходила значительная перегруппировка. Многие из создававшихся тогда племенных союзов переселялись, отходя далеко от территорий, на которых они сформировались, в основном в западные римские провинции. Аламанны («все люди») стали после 200 г. н. э. силой, с которой стоило считаться: они заняли земли между Майном и римской границей. Шестьдесят лет спустя они снесли эту границу и поселились на плодородных землях между Рейном и Дунаем. Там они оставались в течение всего IV в., а потом, в начале V, они стали продвигаться к западу, в Галлию, и к югу – в альпийские долины. В III в. на нижнем Рейне образовался другой союз племен – франки, которые на этом направлении тревожили Рим. Много раз они прорывались в Галлию, и в IV в. некоторые из них, с неохотного одобрения римских командующих, поселились к западу от Рейна.

А вот вдоль длинной дунайской границы империи приходилось иметь дело с менее грозными врагами – по крайней мере до конца IV в. Вскоре после 270 г. римляне ушли из своей провинции Дакия (современная Румыния), и эта территория была захвачена готами. Готы, возможно, пришли из Скандинавии, но им пришлось пройти огромное расстояние на юго-восток: они поселились у Черного моря незадолго до III в. Здесь готы разделились на две основные группы: визиготы, обосновавшиеся между Дунаем и Днестром, и остrogоты, осевшие на северо-востоке от Днестра. Обоим народам предстояли еще далекие странствия, и они сыграли огромную роль в преобразовании старой империи: остrogоты – оккупировав Италию, а визиготы – поселившись в южной Галлии и позднее в Испании. Однако еще до этого они совершили два «подвига», которыми и прославились германские варвары. В 378 г., после того как под растущим давлением гуннов им позволили поселиться в империи, они разбили римские легионы в битве при Адрианополе. Еще более известен тот факт,

что в 410 г. под предводительством своего короля Алариха готы вторглись в центральную Италию, осадили Рим и захватили город. Для многих людей того времени весть о падении Рима пред северными захватчиками, казалось, предвещала конец мира, и последующие поколения вплоть до сего дня придерживались той же точки зрения. На самом деле взятие Рима было достаточно незначительным событием даже только в политическом и военном аспекте римско-германских отношений. Однако его психологическое воздействие было огромно. Обычно считается, что Аларих и его воины в 410 г. уничтожили город. На самом деле погибло не так уж много жителей: были разграблены и разрушены в основном дома аристократии. Древние здания Рима не слишком пострадали, а то, что Аларих был христианином, спасло храмы.

Другим длительным переселением было переселение вандалов, которые в I в. н. э. ушли из прибалтийских областей (теперь Силезия). Некоторые из них остались там: эту ветвь вандалов называли силингами. Другая группа – вандалы-асдинги – оказалась более подвижной и в конечном счете пересекла Дунай и попала на римскую территорию. Ненадолго вандалы стали федератами. В 406 г. вандалы и смешанная орда варваров воспользовались ослаблением границы на Рейне и тем, что сама река замерзла, и переместились в Галлию. Примерно два года их банды без каких-либо помех совершали набеги по всей Галлии. Затем они преодолели Пиренеи и оказались в Испании. Только после еще двух лет разбоя римским властям удалось достичь временного примирения. Затем Рим послал против них армию визиготов, надеясь ослабить оба угрожавших ему племени варваров. Отчасти эта политика оказалась успешной: силинги были почти уничтожены. Асдинги, однако, были вытеснены в южную Испанию и там обрели новое оружие, до которого римляне прежде не допускали варваров, – флот. Прибрежные города южной Испании оказались в руках вандалов, а вместе с ними – и корабли в их гаванях. В их власти оказалась Северная Африка со всеми своими огромными ресурсами зерна: в 429 г. под предводительством Гейзериха они пересекли Гибралтар и захватили плодородные прибрежные долины. Римские армии могли держаться в защищенных крепостях, однако в поле они оказались беспомощными против захватчиков. Риму пришлось признать вандалов федератами, а позднее, в 442 г., их король был провозглашен независимым властителем Северной Африки.

Были и другие крупные предприятия, которые, соответственно, увенчались значительными успехами. Мы оставили остроготов на территории Венгрии под властью гуннов. После смерти Атилы они стали заметными членами того союза племен, который разбил империю гуннов. Шанс захватить власть в средиземноморских землях выпал остроготам после того, как к власти у них в 471 г. пришел вождь Теодорих. Под его руководством остроготы захватили власть на Балканах, а позже, в 488 г., – и в Италии. С 476 г. полуостров контролировал некто Одоакр, предводитель войск варваров-федератов, однако справиться с армией Теодориха он не мог. К середине 490 г. Теодорих властвовал в Италии, а Одоакр был осажден в Равенне. Штурмовать город было невозможно, однако с помощью предательской «дипломатии» Теодорих нашел способ выманить своего врага из укрытия и убить его. Так Италия перешла под власть остроготов. Тем не менее, Теодорих правил отнюдь не варварским королевством: он, как до него и Одоакр, был вице-регентом римского императора². Сохранялись римские формы административного устройства. Римляне и германцы почти не смешивались между собой: существовал недвусмысленный запрет на смешанные браки; интересы готов и римлян блюли разные чиновники. Продолжались даже заседания римского сената, и законы все еще основывались на древних правовых нормах.

² После конца Западной Римской империи в 476 г. (низложения императора Ромула Августула Одоакром) речь может идти только об императорах Восточной Римской империи (Византии).

Самые северные переселенцы – фризы, саксы, англ и смешанные группы других прибрежных народов – нацелились на юго-восточное побережье Британии. Несмотря на мощную римскую защитную систему и хорошо экипированный флот, это побережье оказалось уязвимым, и в начале V в. в восточной Британии начали селиться германцы. Однако главный поток германских переселенцев пошел только после 450 г.

Таким образом, к концу V в. все, некогда римские, западные провинции империи перешли в руки германских вождей и их дружин. Однако в большинстве своем эти варварские державы были недолговечными. Только франкам удалось основать державу, которая пережила окончательное разложение римской администрации и позднее заменила ее. Тем не менее, хотя франки и были достаточно страшны для римлян в III и IV вв., глядя на небольшие отряды франкских разбойников и поселенцев, которые пересекали Рейн в последние десятилетия существования Римского государства, никто не мог бы поверить в то, что именно они станут наследниками римлян в этих землях. Но так оно и оказалось. Беспорядочная масса незначительных воинских отрядов племен, обитавших в междуречье Везера и Рейна, захватила север Галлии и заложила там основы империи Каролингов.

Глава 2

Структура общества

Социальная организация

Древние германские народы (*civitates*, как называли их древние римляне) состояли из отдельных групп населения, которые обычно называли племенами (*pagi*) и которые, в свою очередь, объединяли многочисленные кланы или роды. Роды образовывали экономические единицы, занимавшиеся обработкой земли. Это были очень непрочные союзы, и в мирное время они редко действовали заодно. Не следует также думать, что племена являлись единым целым. На самом деле, когда во времена Цезаря и Тацита германцы появились в поле зрения историков, их племенная организация была весьма примитивной. Старейшины каждого племени образовывали совет, который разбирал жизненно важные вопросы, связанные с разделом земли, и улаживал другие существенные разногласия. Возможно, в мирное время он и не имел других функций, хотя во время войны совету, наверное, приходилось решать и организационные проблемы. Вряд ли одно племя часто вступало в союз с другим для какой-то общей цели – таких данных у нас почти нет (если, конечно, речь идет не о войне).

Таким «естественным» формам организации, как племя и род, которые существуют у множества первобытных народов по всему миру, противостоял другой общественный институт – дружина. Основой дружины был отряд воинов, сплотившихся вокруг вождя для какой-то особой цели, обычно для разбойничьего набега. После того как «предприятие» заканчивалось, его участники расходились, чтобы поодиночке насладиться добычей, а позднее – присоединиться к другому отряду. Шло время, и состав отряда стабилизировался, а дружина начала приближаться к тому, чтобы стать формальной организацией. К концу I в. н. э. отношения между вождем и дружиной (по-латыни *comites* или *comitatus*) переросли в нечто более определенное. Теперь дружина жила за счет вождя не только во время военных действий, которые планировал вождь, но и в мирное время. Вступив в *comitatus*, воин получал от вождя еду, средства к существованию, оружие и экипировку.

Когда вождь вел свой отряд на войну, дружинники сражались как отдельное подразделение – отдельно от своих родов и других дружин того же племени. Они подчинялись только своему вождю, а не избранному вождю всего племени. Таким образом, в военное время рост дружин подрывал общественный порядок, поскольку воины из одного и того же клана могли служить в нескольких разных дружинах: клан терял своих самых энергичных сыновей. Чем успешней считалась дружина, тем больше в нее поступало знатных воинов и их сыновей; постепенно дружина становилась отдельным, элитным сегментом общества. Материальное положение позволяло этим людям посвящать все свое время войне. Бедный воин, который не мог оставить свое хозяйство и землю надолго, не мог надеяться стать дружинником.

Таким образом, соратники вождя, из которых состояла дружина, начали превращаться в особый класс – воинскую аристократию, положение которой гарантировала военная доблесть. Однако дружинники были не всемогущи. Засвидетельствовано множество случаев, когда дружине и ее вождю приходилось сталкиваться с враждебностью со стороны других воинов своего народа, в результате чего они должны были отправиться в изгнание. Одним из наиболее важных, имевших серьезные последствия свойств дружины было то, что лидер мог привлечь к себе на службу воинов из разных народов, так что некоторые небольшие племена должны были постоянно терять своих лучших воинов, если только им не удавалось выдвинуть своих собственных харизматических лидеров. Такой широкий географический

охват многих дружин, несомненно, был очень мощным фактором, объединяя самых отважных людей из множества племен. Это были первые шаги к значительной перегруппировке германских племен в III в. н. э., которая оказала столь существенное влияние на дальнейшую историю Европы.

Вожди

Кто и как правил германскими народами? Когда мы обращаемся к проблеме правления, перед нами встают значительные трудности. Юлий Цезарь говорит об этом мало, и ту информацию, которую он дает, сложно объединить с более поздними источниками – возможно, потому, что между I в. до н. э. и 100 г. н. э. в социальной жизни произошли значительные перемены, особенно у тех народов, которые контактировали с римлянами на границах по Рейну и Дунаю. После «Германии» Тацита информация о том, как управлялось племя, на протяжении более чем двухсот лет практически отсутствует. Интересно, что, когда эти «темные века» закончились, оказалось, что многие из органов управления у германцев за эти двести лет практически не изменились.

В то время, когда писалась «Германия», у германских народов было три главных органа управления: вождь, совет старейшин и общее собрание всех воинов. Как и во многих других племенных обществах, мнение совета знати и народного собрания имело больший вес, чем авторитет вождя. Иногда вождей избирали, обычно за отвагу и престиж военного лидера. Обязанности такого вождя были преимущественно военными, и зачастую он занимал свою должность только на время какой-то чрезвычайной ситуации или во время войны. Таким образом, в начале войны народ избирал одного (иногда и двух) человек, которые руководили им. Избранный вождь заменял любого лидера, который мог быть у племени в мирное время.

Скипетр из китовой кости из Рауверда (Фрисландия)

Был и другой тип вождя, которого Тацит называет «королем» (гех): он был обязан своим положением не процедуре выборов, а своему благородному, королевскому происхождению. Не совсем понятно, каковы были его обязанности. Иногда он руководил своим народом во время войны, как и избранные вожди, ведь люди королевского происхождения могли стать вождями и благодаря избранию. С другой стороны, он обладал какими-то неясными религиозными или сакральными функциями. Наследник умершего или свергнутого короля избирался из всех, в ком текла королевская кровь. Автоматического наследования (от отца к старшему сыну) не было. Хотя римляне называли таких вождей «королями», не следует примешивать сюда средневековые и современные представления о значении этого слова. Даже возможность влиять на собственную дружину у этих «королей» была ограниченной, а какого-либо права на принуждение у них почти не было. Власть вождя, в конечном счете, основывалась на его престиже или авторитете его личности. Если вождь старел или оказывался неспособным к руководству, его свергали. Его не отделяли от других людей, не считали каким-то особым существом. В отличие от средневекового монарха он не был окружен божественным ореолом. Хотя на поле битвы король и должен был командовать, даже там его приказы могли быть оспорены.

В период Великого переселения народов избрание вождей продолжалось, а власть отдельных лидеров все еще была ограниченной. Засвидетельствовано много случаев, когда даже наиболее удачливые вожди германцев обращались к совету выдающихся воинов или ко всему народу и были обязаны выполнять их рекомендации. Так, когда визиготы вошли

в Римскую империю в 376 г., это решение было принято не только их королем, но общим собранием народа. Мало что известно о внутреннем управлении у франков, аламанных и прочих племен. Однако у визиготов вождя всего народа часто называли «судьей» (judex), а не «королем» (rex). Это название заставляет предполагать, что подобного типа вожди обладали некоей судебной властью, хотя мы точно не можем сказать какой. В других отношениях те правители периода Великого переселения народов, о которых хоть что-то известно, судя по всему, мало отличались от вождей времен Тацита. Только те, кто с успехом претендовал на императорскую власть, как Хлодвиг или Теодорих, отличались от других – благодаря своим беспримерным политическим достижениям.

Исключения были и в более древние времена. Хотя большинство вождей правили опираясь на авторитет, иные (с переменным успехом) пытались присвоить диктаторские полномочия. Максимального успеха (хотя и временно) достиг в этом деле король маркоманнов Маробод, который жил на рубеже н. э. Он предложил своему народу новую концепцию управления, контролируя все дела своим авторитетом. Наиболее значительным аспектом его «стиля руководства» была военная организация. Тогда в первый раз возникло нечто похожее на регулярную армию с соответствующим обучением и дисциплиной. Воины выполняли приказы командования, заранее планировалась военная тактика. Не зря Маробод получил образование в Римской империи! Все это было ново для германцев, и (к счастью для римлян) опыт Маробода остался исключением. Другие пытались подражать Марободу, однако повторить его достижение уже никто не смог. Видимо, у большинства германских народов общественная организация была слишком примитивной и негибкой, чтобы вынести давление, которое оказывала на отдельные кланы монархическая система. Наконец самому Марободу пришлось в 19 г. н. э. бежать в Римскую империю, и прошло почти три столетия, прежде чем другому вождю удалось снова достичь единоличной власти.

Жрецы

Как и у галлов, у германцев существовала формальная организация жрецов под предводительством главного жреца (*sacerdos civitatis*). Служители культа должны были наблюдать за предзнаменованиями при разных общественных событиях (особенно при отправлении на войну), исполнять роль «спикера» во время общего собрания племени, наказывать за серьезные прегрешения, охранять священные рощи и находившиеся в них предметы культа. Хотя они и не были обязаны сражаться, жрецы присутствовали и на войне. Именно они (а не вожди) должны были выносить священные знамена из заповедных рощ на поле сражения. Несомненно, они также распоряжались общественными жертвоприношениями. Если говорить об их значении в обществе, то германских жрецов можно сравнить с кельтскими друидами, хотя у них было меньше судебных полномочий, чем у друидов.

Всю эту информацию дает нам Тацит. Поздние источники, к несчастью, очень скудны, однако в общем и целом религиозная организация германских племен в более поздний период была похожа на описанную выше. Но есть и некоторые существенные различия. Среди бургундов в IV в. главный жрец, или *sinistus*, занимал свою должность пожизненно и сместить его было нельзя. Важное различие просматривается в визиготской системе жречества. В IV в. у визиготов у каждого рода или клана был свой жрец. Во всех других известных нам случаях жрец «обслуживал» целое племя.

Род и семья

Наиболее тесными связями в обществе древних германцев были связи родственные. Еще в период Великого переселения народов члены отдельных отрядов воинов внутри более крупных групп племен были, как правило, связаны кровным родством. Безопасность отдельного человека в основном зависела от его рода. Весь род обязан был мстить и добиваться возмещения за преступление либо оскорбление, нанесенное отдельному человеку, – и наоборот, весь род преступника был обязан загладить последствия преступления. Если род жертвы преступления не был удовлетворен условиями, которые предлагал род преступника, возникала кровная месть. Кровная месть кажется нам в лучшем случае антиобщественным обычаем, который мог приводить к полному хаосу. На самом деле случаи, когда не удавалось договориться об объеме возмещения, скорее всего, были редки, и разрушительный демон кровной мести сравнительно нечасто вырывался на свободу.

Некоторые юридические вопросы держали в руках старейшины и вожди племен. Эти «судьи», как называет их Цезарь, как кажется, не обладали какой-либо формальной властью. Они не могли заставить преступников или даже тех, кто судился друг с другом, обращаться к ним за судебным решением. Они могли только пользоваться своим влиянием, чтобы уладить спорный вопрос. Цезарь ничего не слышал о существовании у германцев настоящих судов. Примирение или наказание зависело лично от судей или от самих спорящих сторон. К тому времени, как была написана «Германия» Тацита, дела, которые имели значение для всего народа, обсуждало народное собрание. Теперь собрание должно было избирать какое-то количество судей: эти люди путешествовали от общины к общине, решая судебные тяжбы. Каждый судья брал с собой сто человек, которые поддерживали его авторитет и помогали ему советами.

У нас очень мало данных о преступлениях, которые совершались в этот ранний период, и о наказаниях, которые за них полагались. За предательство или дезертирство вешали. Трусов и тех, кто вступал в гомосексуальные отношения, бросали в болота и топили. В торфяных болотах было обнаружено немало тел, которые, судя по всему, являются телами несчастных, чья жизнь окончилась таким страшным образом. Иногда находят ветки, которые придерживают руки и ноги утопленника или просто лежат вдоль тела.

Но за подавляющее большинство преступлений, видимо, полагались штрафы, которые взимались в лошадях или, чаще всего, в коровах. Часть штрафа поступала пострадавшим, часть – народу или вождю.

И Цезарь, и Тацит отмечают, что у германцев целомудрие было в почете. Тацит осуждал современное ему римское общество, сопоставляя римское легкомыслие в сексуальных отношениях со строгостью германцев. И в V в. этот аспект германского характера все еще был достаточно заметным. Сальвиан писал, что готы «предательский, но целомудренный народ», а саксы отличаются не только «свирепой жестокостью, но и удивительной непорочностью». Брачные узы, как отмечают все античные писатели, были для германцев священны. Супружеская неверность считалась позором, и, если адюльтер был доказан, следовала суровая кара. Вплоть до эпохи Великого переселения народов нет никаких упоминаний о проституции. И мужчины, и женщины обычно женились и выходили замуж позже, чем это было принято у римлян (то есть позже, чем в 12–16 лет). Не совсем ясно, насколько же «позже» это происходило, но, скорее всего, речь шла о 17–22 годах. Воины не женились, пока не достигали пика своей физической силы и не доказывали свою отвагу на поле боя.

Возможно, античные писатели рисуют германский брак в чересчур розовых тонах. Из более поздних германских источников очевидно, что в некоторых районах Германии в Средневековье (и, несомненно, в более ранний период) к женам относились не лучше, чем к ско-

тине. Их покупали, как рабынь, и даже не позволяли садиться за один стол со своими «господами». Брак путем покупки зафиксирован у бургундов, лангобардов и саксов, и во франкских законах встречаются пережитки подобного обычая. Многоженство, о котором римские писатели обычно умалчивают, было в ходу у некоторых германских вождей в ранний период, а позднее – у скандинавов и обитателей берегов Балтики, в основном лишь у людей высшего сословия. Многоженство всегда было дорогостоящим делом. Среди некоторых племен было распространено «сати» – жертвоприношение вдовы после смерти вождя. Все это говорит о том, что почетное и самостоятельное положение женщины в обществе, о котором говорит Тацит, существовало в ранней Германии не везде и не всегда.

Из «Германии» Тацита очевидно, что прелюбодеяние могли совершить только женщины. Мужчин за это никак не наказывали, однако неверным женам пощады не было. Муж сбривал такой женщине волосы, раздевал ее и выгонял из дома и из деревни. Археология заставляет полагать, что по крайней мере в некоторых районах практиковалась смертная казнь за прелюбодеяние. На многих женских телах, найденных в северных торфяных болотах, сбиты волосы, в некоторых случаях – только с одной стороны. Один красноречивый пример – четырнадцатилетняя девушка из Виндебю в датском Шлезвиге. Она была найдена в яме на торфяном болоте обнаженной: на шее у нее был кожаный ошейник, а на глазах – узкая повязка. Белокурые волосы девушки на левой стороне головы были обриты почти наголо, на другой – коротко острижены до длины примерно пять сантиметров. Не исключено, что она не была убита взбешенным супругом, а стала жертвой какого-то религиозного ритуала, хотя первое тоже вполне вероятно.

Рабство

В древней Германии существовало рабство, но нам трудно определить, насколько же оно было распространено. В некоторых областях рабов было больше, чем в других: например, у маркоманнов во II в. и у аламанных в IV. Эти области находились неподалеку от римских границ: возможно, именно в силу географической близости общественная структура племен оказалась более развитой. Во времена Цезаря и Тацита рабский труд, судя по всему, применялся не так уж часто. Работу, которая обычно выпадает на долю рабов, то есть самую черную работу в поле и по дому, выполняли женщины и старики. Римских военнопленных держали в качестве рабов, но этих несчастных было не так уж много, чтобы они могли играть значительную роль в экономике повседневной жизни.

Условия рабства в Германии очень отличались от рабства в Римской империи. Рабы имели собственные дома, стоящие отдельно от домов их хозяев. Они были обязаны время от времени отдавать своему хозяину определенное количество зерна, тканей или скота. В этом отношении германский раб напоминал римского крестьянина-арендатора – с той только разницей, что раб не был свободен. Рабы занимались крестьянским трудом, однако здесь мы не увидим ничего похожего на целые «бригады» рабов, которые в Риме трудились в мастерских, рудниках и на плантациях. Рабов редко наказывали, избивая или связывая их, но Тацит дает понять, что хозяин мог совершенно безнаказанно убить раба. Возможно, рабов было так мало именно потому, что внутри германского экономического порядка для них не было места. Они были практически не нужны, поскольку с работой в отдельных хозяйствах справлялись женщины и дети. Не существовало крупномасштабной индустрии, где удалось бы с пользой применять рабский труд. Хотя рабы и могли вносить свой вклад в экономику сельской общины, они все равно оставались бы лишними ртами. В недоразвитой крестьянской экономике Германии от рабов не было бы никакого проку.

В эпоху Великого переселения народов ситуация почти не изменилась. Однако очевидно, что, когда германцы поселились в западных римских провинциях, число рабов в германских хозяйствах возросло. Вдобавок к существовавшим ранее источникам порабощения, теперь человека мог превратить в раба закон. Чаще всего порабощение являлось наказанием за кражу. Кодексы законов говорят о том, что цены на рабов были высокими по сравнению со стоимостью животных и другого имущества. Едва бы это было так, если бы рабов было очень много. После германского поселения в пределах империи изменились и занятия рабов. В то время как до Великого переселения рабы делали самую черную домашнюю работу, тяжело трудились в поле, в бургундских законах они фигурируют как ювелиры, работавшие по золоту и серебру, кузнецы, обрабатывавшие бронзу, плотники, башмачники и даже портные. Несомненно, значительную часть этих рабов-мастеров составляли греческие и римские ремесленники. Очевидно, варвары с головой окунулись в море наслаждений цивилизованной жизни.

Глава 3

Земля и поселения

Земля

Для римских писателей слово «Германия» было почти синонимом слов «лес» и «болота». Тацит кратко сформулировал впечатление, которое оставалось у римлян от земель, населенных северными варварами: «Хотя страна кое-где и различается с виду, все же в целом она ужасает и отвращает своими лесами и топями».

Эта картина нуждается в существенной корректировке. Конечно, в то время довольно значительные территории были заняты лесами. Еще в XI столетии Адам Бременский мог с полным правом заметить, что вся Германия покрыта лесом. И долгое время спустя леса продолжали занимать обширные площади. Часть этих лесов дожила до наших дней и нагоняет уныние на тех, кто путешествует по центральной Германии. Однако в то же время было и много областей, где люди заставили леса далеко отступить еще задолго до эпохи Тацита и даже еще до Цезаря. Лес расчищали, срубая и выжигая определенные участки; так поступали за тысячи лет до того неолитические поселенцы в Европе и до совсем недавнего времени жители некоторых районов Швеции. Такое подсечно-огневое земледелие (в Германии его называют *Rodung*) не только освобождает землю изпод покрова леса, но и на какое-то время обогащает почву минеральными солями (из пепла деревьев). После того как в течение нескольких лет на этой земле собирали урожай, минеральных запасов становилось недостаточно для подкормки. Тогда поле оставляли под паром, и возделывали снова через десять или более лет, когда на нем снова возникала поросль. Когда в VI в. до н. э. в Северной Европе появилось железо, расчистка леса продолжилась с удвоенной силой, но началась она еще задолго до этого.

По своему составу леса Германии были очень разными. На востоке и юге росло множество сосен и елей, в то время как на западе и на прибалтийских возвышенностях преобладал лиственный лес, в основном березы. В областях хавков и фризлов на северо-западе росли смешанные леса. Значительные области Германии, Дании и Голландии занимали не только густые леса, но и болота и вересковые пустоши. Вересковые пустоши в значительной степени являются творением рук человека, а не его природным врагом. Вереск обычно появляется, когда лесистая местность дегенерирует под влиянием хозяйственной деятельности людей. Таким образом, большая часть вересковых пустошей возникла еще при римлянах, в железном веке. Очевидно, так было со многими пустошами Дании и центральных областей Нидерландов. Сегодня, проходя по этой земле, мы видим, что она бесполезна для фермера, однако четкие следы древних границ полей показывают, что когда-то здесь пахали и выращивали урожай. Нам может показаться, что болото – это последнее место, в котором древние германцы могли бы попытаться поселиться. Однако на границах некоторых заболоченных мест встречаются прекрасные пастбища для скота, так что и такие области были заселены. Самая важная из них – это прибрежные болота северной Германии и Нидерландов. То, как человек справлялся с такими природными условиями, мы увидим из более подробного рассказа ниже.

Мы все еще мало знаем о природном окружении, в котором обитали древние германцы, поскольку археологи только начали широкомасштабное картографирование районов поселений. Ученые справедливо считают неправильным переносить на еще не исследованные районы данные о природных условиях и образцах поселений, обнаруженных в других

местах. Самая полная информация у нас есть об Ангельне и Гольштейне – родине англов, которые владели этой землей в течение столетий до того, как в V в. н. э. переселиться в восточную Британию. В Ангельне область, заселенная германцами, состояла из негустого леса, в котором было сделано множество расчисток, и лугов, которые были усыпаны рошицами и отдельными деревьями: они возникли в результате слияния расчисток за долгий период. У земледельцев не было цели сводить весь лес, поскольку свиньи и другая скотина могли в определенное время года самостоятельно кормиться в лесу. Таким образом, мы не должны буквально воспринимать то, что древние писатели говорят о глухих лесах Германии. Конечно, здесь имелись большие леса, которые не были заселены в тот период, о котором мы говорим. Однако во многих областях человек стал хозяином природы уже задолго до того, как римляне впервые познакомились с германцами.

Землевладение

Данные римских историков помогают нам составить определенное представление о системе землевладения у древних германцев. Однако зачастую нам трудно понять, что же именно хотят сказать нам древние писатели. Еще труднее бывает примирить их информацию с данными археологии. Авторы, которые дают нам больше всего сведений, это Юлий Цезарь, описавший народы, с которыми он встретился к востоку от Рейна во время своих двух кратких поездок туда, Тацит, чей рассказ очень отличается от рассказа Цезаря, и автор IV в. Аммиан Марцеллин: он единственный, кто дает нам существенную информацию о германских племенах в то время, когда начиналось их великое переселение. Будем надеяться, что когда-нибудь археология поможет нам пополнить скудные сведения об этом важном предмете.

К несчастью, «немые» данные археологии не позволяют нам узнать, кто же владел землей. Хотя полные раскопки поселений приносят огромное количество сведений по самым разным вопросам, ответа на этот вопрос они не дают. Изучение обширных областей расселения германцев, а также полные раскопки отдельных деревень и хуторов, несомненно, помогут многое прояснить, однако это еще дело будущего. Пока основным источником наших знаний остаются труды древних авторов.

Среди тех германцев, с которыми встречался Цезарь, частная собственность на землю была практически еще неизвестна: «У них вовсе нет земельной собственности, и никому не позволено больше года оставаться на одном месте для обработки земли». Цезарь описывает народ, который владеет элементарными приемами земледелия и занимается крестьянским трудом, который, по сути, не изменился с эпохи позднего неолита. Вожди общины ежегодно встречаются, чтобы решить, какие участки земли следует запахать и засеять. Затем этот участок делят на равные доли, которые распределяются между всеми семьями – членами общины. В следующем году эти участки пахотной земли временно оставляют под паром и делят новые площади. Расчистку леса и кустарника, пахоту и жатву первобытные общины обычно производят коллективно, и именно такую жизнь и описывает Цезарь.

Если строго придерживаться такой системы и честно делить продукты сельского хозяйства между всеми членами общины, то отдельному человеку было бы очень трудно преуспеть своих соседей материально, и внутри общества не должны были появляться классы. Но можно ли доверять тому, что говорит Цезарь? Ведь даже для племен, не умевших возвращать земле плодородие, не было необходимости регулярно, каждый год оставлять пашню под паром. Более того, в другой части своего сочинения Цезарь ясно говорит, что существовали германцы, у которых сельское хозяйство организовано совсем по-другому. Например, менапии, которые обитали в дельте Рейна, жили не только деревнями, но и отдельными хозяйствами, а наличие хуторов говорит скорее об индивидуальном, а не о коллективном владении землей. Таким образом, можно сомневаться в достоверности сообщений Цезаря вообще. Более того, то, что происходило среди племен, с которыми Цезарь был знаком и о которых слышал, не обязательно имело место у всех германцев. Найдено много указаний на частное землевладение в период, падающий на несколько более позднее время. К несчастью, очень немногие поселения эпохи Цезаря или непосредственно после нее были тщательно раскопаны.

Тацит, который писал на полтора столетия позже Цезаря, в своей «Германии» сообщает, что, хотя землю, которую надлежало обработать в определенный год, все еще выбирали вожди, делили ее уже согласно положению человека в общине, причем вожди получали участки лучше и больше, чем у остальных. Этот пассаж в «Германии» вызвал у историков больше вопросов, чем какая-либо другая часть книги. Действительно, такой раздел земли

должен был вызывать бесконечные междоусобицы. На большем участке не обязательно вырастет больший урожай, чем на меньшем участке. Относительное плодородие различных участков земли, которые обрабатывались в таких примитивных условиях, оценить было очень трудно. Решения в пользу вождей должны были приниматься уже после того, как становился известен точный объем полученного урожая.

Как бы ни решались эти проблемы, очевидно, что к тому времени, когда жил и работал Тацит, у германцев появилось частное землевладение. Есть несколько указаний на то, что этот процесс начался уже раньше. Около 70 г. н. э. великий вождь Цивилис, возглавивший на нижнем Рейне восстание германских народов против римских хозяев, владел землей и фермами близ римских границ. Можно подумать, что, поскольку Цивилис вполне усвоил римский образ жизни (он долго служил в римской армии), его представления о собственности были более сложными, чем у прочих германцев. Однако мы увидим, что далеко к северу от римских границ в то же самое время существовало поселение, где, как мы можем подозревать, главную роль играл какой-то состоятельный человек; об этом подробнее ниже.

Археологические данные, к которым мы теперь обратимся, позволяют нам сделать несколько разумных предположений относительно землевладения, однако эти данные не могут стать решающими. Археология поможет нам увидеть существенную разницу в размере и характере жилищ в некоторых германских поселениях, и эти различия, скорее всего, указывают на разницу в положении и богатстве внутри германского общества.

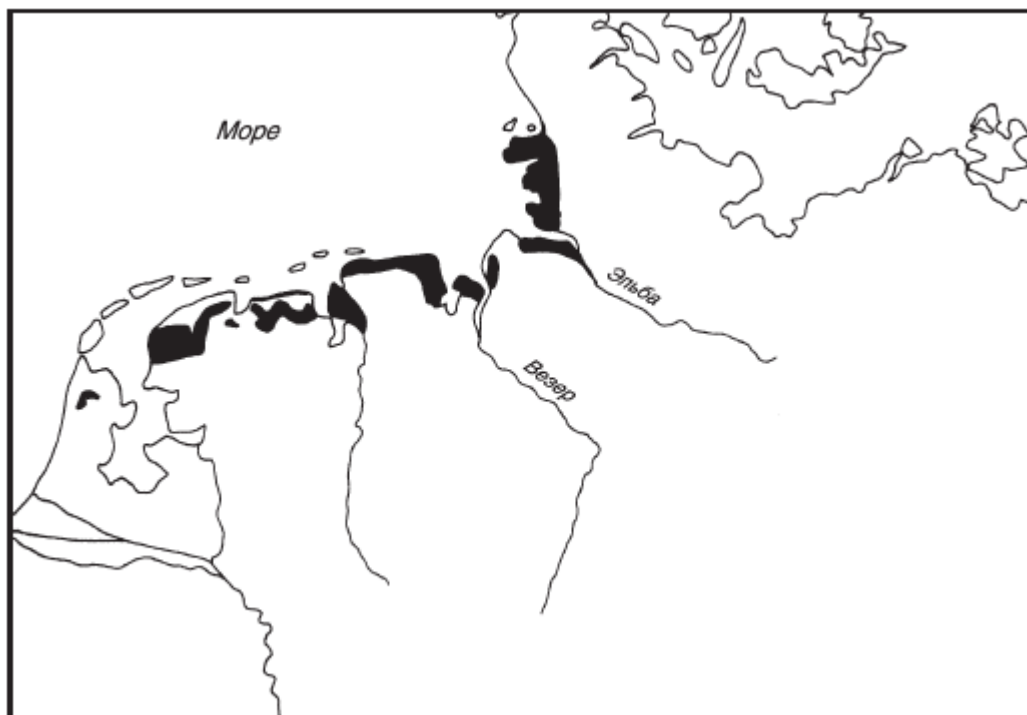
Поселения

Римлян поражало заметное различие в поселениях германцев и кельтов. В Германии не было больших, похожих на города поселков, которые можно было бы сравнить с оппидумами галлов и кельтов – обитателей Центральной Европы. Еще маловероятнее в этих землях было увидеть что-либо похожее на город в римском или современном смысле этого слова. «Селятся же германцы каждый отдельно и сам по себе», – говорил Тацит о том, как расположены германские поселения. Насколько это верно? Если у германцев действительно не было крупных поселений, то какими же они были и какие социальные единицы они представляли? Последняя часть этой главы посвящена анализу археологических данных.

Некоторые области Северной Европы дают огромное количество информации о характере германских поселений, некоторые не дают ее вовсе. В области нижнего Рейна в Нидерландах (Фрисландия) и у северного побережья Германии, Дании (особенно Ютландия) и южной Швеции наблюдается наибольшая концентрация известных нам поселений, и, к счастью, работающие в этих районах археологи уже давно поняли, как важно ставить поселения людей в географический и экологический контекст, изучая материальные остатки на фоне климата, ландшафта и растительности. Впервые такие исследования стали проводиться на севере Нидерландов, и, таким образом, нам лучше всего начать именно с прибрежных областей.

Терпы

В течение позднего римского железного века море начало наступать на побережье Нидерландов и северной Германии. С конца III в. н. э. до 650 г. прибрежные области страдали от постоянных наводнений. Катастрофическое наводнение в той же самой области, которое случилось сравнительно не так давно, в 1953 г., может дать представление о разрушительной силе таких потоков. В результате наступления моря в железном веке условия хозяйствования на прибрежных глиноземах резко изменились, что оказало глубокое воздействие на сами германские поселения. Вместо того чтобы уйти из этих мест, оставив глиноземы с их плодородными пастбищами, крестьяне изобрели тип поселений, который мог помочь выжить даже при самом страшном наводнении и вокруг которого можно было вести хозяйство.

Карта распространения терпов

Вот какое решение нашли местные жители: они стали насыпать искусственные холмы, на которых ставили все хозяйственные постройки. На эти холмы во время наводнений можно было завести скотину. Побережье от устья Рейна до Шлезвиг-Гольштейна изобилует такими жилыми курганами. Их высота составляет от 1,8 до 6 метров над поверхностью земли. Распределены они неравномерно: обычно, как можно видеть на карте, встречаются плотные скопления. Такие холмы в Нидерландах называют терпами; в Германии – по-разному, чаще всего вурт (Wurt). Другие названия остались в местных топонимах на «-верфт», «-варф» и «-вирде». Появление терпов отчасти, конечно, было вызвано тем, что за долгое время, пока люди жили на одном месте, там накапливался домашний мусор, однако прежде всего они появлялись все-таки потому, что жители, сознательно воздвигая кучи навоза и глины, создавали широкие платформы для постройки ферм и других хозяйственных сооружений. Размер терпов мог быть самым различным – от больших, площадью в целый акр, до небольших холмиков, на которых едва помещались один-два дома. Возможно, именно терпы имел в виду Плиний Старший, когда называл дома хавков, занимавших часть прибрежных областей Германии, «платформами, построенными вручную».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.